

Александр Рудазов

АРХИМАГ
РЫЦАРИ ПРЕЧИСТОЙ ДЕВЫ
САМОЕ ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ
СЕРЯЯ ЧУМА
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ВТОРЖЕНИЕ
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ШТУРМ ЦИТАДЕЛИ
ДЕТИ СУДНОГО ЧАСА
СОВЕТ ДВЕНАДЦАТИ
ШУМЕРСКИЕ НОЧИ

ТРИ ГЛАЗА И ШЕСТЬ РУК
ШЕСТИРУКИЙ РЕЗИДЕНТ
ДЕМОНЫ В ВАТИКАНЕ
СЫН АРХИДЕМОНА

ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ
ТАЙНА ПОХИЩЕННОЙ БАШНИ

ЭКИПАЖ

РАССКАЗЫ ИЗ ПРАВОГО БОТИНКА

ВЛАСТЕЛИН

Александр Рудазов

СЫН АРХИДЕМОНА

Роман

Москва, 2011
€АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Художник
И. Воронин

Рудазов А. В.
Р83 Сын архидемона: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1023-1

Когда-то в мире было много ященов. Теперь остался один-единственный — Олег, сын архидемона Лаларту. Пережив множество приключений, пройдя через смерть, побывав человеком и демоном, он по-прежнему остается самим собой... пытается, во всяком случае.

Мы оставили Олега на Земле-1691, в Ватикане — именно там он наконец победил кошмарного Пазузу и повстречался с еще более кошмарным Ррогалдроном. Столь многое пережив, Олег надеялся наконец-то осесть в тихой гавани, пожить немного спокойно... Ага, сейчас.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1023-1

© Рудазов А. В., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

Объект ЯЦХЕН. Искусственно созданное существо. Степень опасности — красная. Отличается невероятной агрессивностью, атакует всех и каждого в пределах видимости, бьет насмерть. Хорошо сопротивляется большинству известного оружия, но может быть остановлен мощным электрическим разрядом. Адекватно оценить разумность невозможно. В случае освобождения немедленно уничтожить любыми способами вплоть до чрезвычайных.

Выписка из дела №342-40b

Хигйджайя кошмарны обликом, крылаты, хвостаты, трехглазы и шестируки, питаются человеческим мясом и никогда не оставляют в покое человека, единожды избранного Ими в качестве добычи. Лишь очень сильная магия способна оградить от Их ужасных когтей и зубов, но даже сильнейшие из кудесников не способны совладать с Прародителем всех хигйджайя Ноденсом, ибо мощь Его безгранична.

Из Книги Червя

ГЛАВА 1

Я медленно шел по коридору. Когти чуть слышно цокали по полу, все три глаза смотрели в разные стороны, хвост с ядовитой колючкой извивался буквой «S».

Я ждал. Ждал, когда услышу шорох, увижу движение. Чувство Направления ясно говорило, что тварь где-то совсем рядом — затаилась в тених и тоже ждет. Этой темной ноябрьской ночью под кровлей старого замка Цератуш друг за другом охотятся два монстра, и один из них — я.

Замок Цератуш находится на западе Молдавии, на границе с Трансильванией и Малой Валахией. Местечко тут очень живописное — если вам нравятся горы и леса, конечно. Лично я предпочитаю пляж с кокосовыми пальмами, но кого в этом мире волнует мнение ящхена?

Так вот, о чем это я. Отвлекся, простите. Отвлекся... кхххххх!..

Тварь вылетела из какой-то темной дыры, врезаясь в меня всем телом. Ящхен — зверь могучий, но весит мало, так что я отлетел в сторону, складываясь пополам, как циркуль. Моего противника боженька тоже силищей не обделил — вон он как раз вздымает над головой булдыган центнера этак в три... йеееее!..

Я увернулся. В мгновение ока перенесся на восьмереньки и зашкрябал по полу, уклоняясь от тяжеленной каменюки. На бледной роже твари отразилась досада.

— Моя очередь, — оскалился я, отталкиваясь всеми лапами.

Теперь уже противник отлетел к стене, а я заработал когтями, перемалывая его в фарш. Крови из этого ушастого уродца не вылилось ни капли — мясо сухое, словно полгода вялилось на солнце.

Мои когти мелькали с такой частотой, что я сам с трудом их различал. Любой другой на месте этой твари уже давно бы содох. Но чертов упырь... его раны срастались в доли секунды. С тем же успехом я мог бы шинковать комок геля.

Так продолжалось секунд десять. Зубы упыря часто клацали, лысая башка с силой колотилась о стену. А потом пара бледных рук взметнулась кверху, хватая меня за верхние запястья... и ломая их на хрен! Черт, какая же все-таки силища!

Впрочем, моя регенерация оказалась не намного хуже. Упырь только собрался перейти к другой паре рук — а я уже снова заработал всеми шестью.

Тогда он досадливо рявкнул и просто толкнул меня что есть мочи. Мной вновь как будто выстрелили из пушки — я отлетел и впечатался в стену, сползая по ней раздавленным насекомым.

— Твою ж мать... — прохрипел я, собирая глаза в кучку.

— Да что тебе от меня нужно?! — прошипел хозяин замка, с шумом втягивая воздух. Две рваные дыры на месте носа гневно раздувались, из левой ноздри на миг высунулся червяк. — Я же тебя не трогал! В тебе даже крови нет!.. съедобной, я имею в виду.

— Тут ничего личного, — заверил я, подымаясь на

ноги. — Мне просто людей жалко. Ты же их харчишь почему зря.

— В этом тоже нет ничего личного! — возмутился хозяин замка. — Ты не понимаешь! Я вампир, я не могу без крови! Если я не буду пить человеческую кровь, то умру!

— Клопы тоже. Но это не значит, что я им сочувствую.

Мы пару секунд мерили друг друга злыми взглядами. Поганый вампирюга как-то странно выгнулся — не иначе приготовился взлететь. Я на всякий случай тоже расправил крылья.

Взлетать упырь не стал. Вместо этого он вдруг раздулся, почернел и расточился жирным дымом. Весь зал заполнился вонючими клубами — запаха я не чувствовал, но догадывался. Газообразный монстр охватил меня тесными объятиями, лишая воздуха, проникая в пасть, пытаясь задушить.

Это бы сработало, будь на моем месте кто-нибудь, кто дышит. Я же только матюкнулся, размышляя, как мне драться дальше. Даже миллион самых острых когтей бесполезен против дымного облака. Мы с вампиром оказались в патовой ситуации.

— Эх, пылесос бы сюда... — вздохнул я.

Пылесоса у меня не было. После прошлого раза я предложил быстренько сгонять за ним в другой мир, но начальство идею не оценило. Они тут по старинке привыкли работать, не дошла еще до них научно-техническая революция.

Поэтому вместо пылесоса я начал втягивать дым сам — пастью. Много втянуть не смог, но вампиру это все равно не понравилось — кажется, он забоялся, что ко мне в брюхо попадет его палец, язык или еще какая-нибудь мелкая, но важная деталь.

Так или иначе, он снова обернулся человеком.

Если это чудище можно так назвать, конечно. Плюгавый, лысый, с остроконечными ушами, кривыми длинными зубами, отвалившимся носом и жутко слезящимися глазами. Я и не знал, что у нежити они могут слезиться.

— Что тебе от меня нужно? — устало повторил вампир. — Ты же демон. Зачем тебе-то в это лезть?

— Во-первых, я не демон, а заботливый мишка, — поправил я. — У меня и сердечко на пузе есть, просто под одеждой не видно. А во-вторых — ви что-то таки имеете против демонов? Это дискриминация, между прочим.

— Дискриминация?! — прошипел вампир. — Я мог бы многое рассказать тебе о дискриминации! Мой народ подвергается ей с начала времен! Никто и никогда не пытался нас понять — вместо этого нам предпочитали отрубать головы, пронзать нас кольями, нашивать серебром!..

— Я сейчас прямо зарыдаю, — скривился я, бросаюсь в атаку.

Вампир даже не шелохнулся. Он лишь брезгливо поморщился и процедил:

— Ты что, до сих пор ничего не понял? Сколько бы ты меня ни кромсал, это бесполезно! Ты не можешь меня убить!

— А с чего ты взял, что тебя убью я?

Сказав это, я сомкнул хватку. Все шесть рук сцепились за спиной вампира прочной решеткой, все сорок два когтя вонзились в ледяную плоть мертвеца. И в то же время из темного прохода появились те, кого я ждал, — девять человек в белых доминиканских рясах с капюшонами.

— Держи его! — скомандовал самый главный. — Держи его крепче, тварь!

Восемь монахов стремглав заняли позиции вокруг

нас с вампиром, выхватили четки с крестиками и забормотали молитву. Девятый медленно пошел вперед — и вот при виде него вампир в панике заметался. Он явно не ждал сегодня испанскую инквизицию.

Кровосос попытался вырваться — но я вцепился в него так, словно хотел никогда не расставаться. Он попытался взлететь вместе со мной — но я вонзил когти ног глубоко в пол. Он попытался снова превратиться в дым — но отовсюду текла молитва, лишаящая вампира сверхъестественных сил.

И тогда он тоскливо завывл.

Торквемада подошел к нам вплотную. Из левого рукава показалась черная, как головешка, кисть. Великий инквизитор возложил ее на плешивую бошку вампира, и тот закричал еще страшнее, забился так, что я с трудом его удержал.

— Когда-то ты был человеком, Кароль Круду, — сурово произнес Торквемада. — Не желаешь ли принять покаяние?

— Засунь его себе вфффхххххххххх... — просипел вампир, рассыпаясь пеплом.

Монахи спрятали четки и разомкнули строй. Двое из них собрали оставшийся от вампира пепел, вынесли наружу и развеяли по ветру. Торквемада сухо кивнул мне и неохотно процедил:

— Ты хорошо потрудился, брат Олег.

Мы еще на некоторое время задержались в замке Цератуш. Торквемада со своими доминиканцами обыскивал подвалы — искал черную магию и прочую крамолу. Я же, как ничего в этом не понимающий, просто таскался следом, грызя черствую булку.

Эти восемь монахов — личный отряд Торквемады. Элитные борцы с нечистью и черными колдунами. Брат Харольд, брат Йожеф, брат Леонтъен, брат Пиррос, брат Давид, брат Дорандо, брат Ханс и брат Юхан.

Первоклассные охотники и экзорцисты со всех концов Европы, лучшие из лучших. Возглавляемые смиренным братом Томмазо, они могут завалить даже архидемона.

Особенно теперь, когда к ним присоединился еще и я, брат Олег. Я ведь с некоторых пор тоже монах ордена святого Доминика. Самый, пожалуй, необычный монах в мире — трехглазый, шестирукий, с крыльями и хвостом.

Звучит невероятно, но я действительно вступил в ряды инквизиции. Пока что, правда, на испытательном сроке — нахожусь в послушничестве у смиренного брата Томмазо. Как бы стажер. Добрый дедушка Торквемада вполне оценил меня в качестве рабочего инструмента. Я полезный. Эффективный. И благочестивый. А что рожей не слишком удался, так это дело десятое. Торквемада и сам страшен как смертный грех.

Не могу сказать, что это та работа, о которой я мечтал с детства, но надо же куда-то себя приткнуть. На Девяти Небесах мне больше делать нечего, в Лэнге тем более, а опять прыгать по мирам не хочется. Куда, зачем? Здесь у меня хотя бы друзья есть.

Прошло четыре с лишним месяца после битвы с шатирами и три с половиной — с тех пор, как дотембрийская делегация покинула Ромецию. Впрочем, от делегации осталось совсем немного — кардинал дю Шевуа и Аурэлиэль.

Кстати, эльфийка так и не простила мне необдуманных слов. Или просто воспользовалась этим поводом, чтобы разорвать отношения. Не знаю точно, но до самого расставания она старалась меня избегать, а если не удавалось — разговаривала сухо, односложно и только по делу. Печально, но ничего не поделаешь. Незачем себя обманывать — у нас бы с ней все равно

ничего не получилось. Она из страны эльфов, а я из страны монстров. Граница на замке, а ключ расплавлен.

Закончив обыскивать вампирячий замок, Торквемада скомандовал отбой. Когда мы вышли наружу, на востоке уже занималась заря. В этом нежно-розовом свете наш отряд спустился по узенькой тропинке к подножию скалы — здесь разместилась крохотная деревенька Крудуешти, вотчина князя Круду. Почтенный патриарх прожил в своем замке больше тысячи лет и числился кем-то вроде некоронованного царя восточноевропейских вампиров. Его уже раз десять убивали разными способами, но он всегда возвращался. На редкость неугомонный старикашка.

Как я уже сказал, сейчас мы в Молдавии, на полевых работах. В этой стране последние годы никакого порядка — каждый делает что хочет, всем заправляют мелкопоместные князья. Нынешнему господарю Молдавскому шестнадцать лет, и он грезит созданием Великой Молдавии от Итальянского озера до Колхидского. Хочет собрать под своей рукой Венгрию и Трансильванию, Галицию и Буковину, Лигурию и Черногорию, Валахию и Малую Валахию... такая невинная детская мечта. А архиепископу Молдавскому уже восемьдесят семь, он практически оглох и каждое утро на полном серьезе пишет письма в Голюс — упрекает демонов за их ужасные злодеяния и призывает одуматься. Ответа пока что не получал.

В Крудуешти нас приняли радушно, гостеприимно, но улыбки на лицах были какими-то вымученными. Седоусый батька Лукаш, испокон веку сидящий в этой деревне старостой, выслушал известие о гибели князя без особой радости, даже с некоторым огорчением. Кароль Круду, будучи рачительным хозяином, никогда не охотился возле дома, поэтому деревня при

нем жила спокойно, как прилипала на акульем брюхе. Разбойники и нечисть обходили земли князя десятой дорогой, оброками он крестьян не душил, работать на себя не заставлял, девок местных не портил, трапезничать летал куда-то за горизонт... чего б не жить? А теперь на его место придет кто-то другой, и неизвестно, будет ли лучше.

С куда большим воодушевлением староста отнесся к тому, что мы покинем Крудуешти уже сегодня, сразу после обеда. Мы бы ушли прямо сейчас, но Торквемада решил на всякий случай осмотреть и деревню — мало ли что тут сыщется? Инквизитор везде ересь найдет.

Монахи, даже не позавтракав, встали на утреннюю молитву. Торквемада же извлек откуда-то из рукава толстую разлинованную тетрадь и принялся делать отметки.

— Это был девятнадцатый, — сурово произнес он. — Самый могучий и самый последний. План по вампирам мы в этом году выполнили успешно.

— И ведь ни одна гнида не захотела покаяться! — посочувствовал ему я. — Ни Грошич, ни Кратцер, ни Кристинка Божик... вообще никто!

— Каждый обладает правом на свободный выбор.

— А тех, кто выбирает неправильно, мы сжигаем, — поддакнул я.

— По-моему, отличная система, — недовольно покосился на меня великий инквизитор. — Ты вот можешь предложить что-нибудь лучше костра, тварь?

— Дихлофос.

— Это звучит как имя какого-то демона.

— Ну извините, что огорчил, Лаврентий Палыч. Что у нас там дальше по списку?

— Пойдем на север, в Славонию. Мне поступило донесение, что там завелась весьма сильная ведьма.

— Жечь будете?

— Буду.

— А если она добрая?

— Тогда я оболью дрова маслом, чтобы она сгорела быстро. Мне тоже не чуждо милосердие, тварь.

— Да вы вообще душа-человек, Лаврентий Палыч.

Торквемада неодобрительно покачал головой. Его раздражает мое легкомыслие. Мои вечные идиотские шуточки, мое ерничанье по поводу и без повода, всякие странные словечки, которые я постоянно вворачиваю в разговор... Первое время Торквемада меня одергивал, потом смирился и стал просто пропускать все излишнее мимо ушей.

Допрашивая еретиков, он весьма поднаторел в этом искусстве.

— До обеда можешь отдыхать, тварь, — неохотно отпустил меня Торквемада. — Но не забывай молиться.

Разумеется, как же иначе. Поплотнее закутавшись в рясу, я отправился бродить по деревне — искать, кого бы перекусить. Остальные монахи тоже все разбрелись — никого не вижу, только Направлением чувствую.

Хотя нет, вон под деревом пристроился брат Юхан с клещами. Лечит местному больному зуб. Пациент сидит ни жив ни мертв — наверняка уже жалеет, что попросил о помощи святую инквизицию. Конечно, орден святого Доминика в вырывании зубов толк знает... только обычно они выдирают их все — один за другим, по очереди.

— Именем Божьим, приступаем к удалению зла, — сурово произнес брат Юхан, налагая клещи на зуб.

— Ы-ы... святой отец, а больно не будет? — жалостливо простонал крестьянин.

— Будет, сын мой, будет. Будет очень больно. Через страдания, через мучения придем мы... к свету!

— А-а-а-а!!! — взвыл пациент, хватаясь за щеку.

— Уже все, — продемонстрировал крошечный белый комочек инквизитор. — Дьявол покинул тебя, сын мой. Вот, подержи во рту освященное вино, а потом глотай.

Кстати, говорили они по-молдавски. Или по-венгерски — я уже запутался в здешних наречиях. Их тут до хрена и больше — в каждой деревеньке свое. Первоначально я вообще не понимал ни слова, но понемногу начал приспосабливаться и теперь суть вполне улавливаю. Через два слова на третье, о половине так вовсе догадываюсь, но все же могу нормально понимать.

Вообще, самый лучший способ учить языки — побольше болтаться среди их носителей. А мы вот уже почти три месяца без устали мотаемся по Восточной Европе, среди Карпатских гор. Путешествовать в Средневековье оказалось плевым делом. Конечно, в этом мире нет быстрого транспорта — только пешком, верхом или на корабле, — зато нет и бессмысленной бюрократии. В большинстве стран не нужны ни визы, ни паспорта, ни вообще документы. Езжай куда хочешь.

Нет и особых проблем с финансами — на протяжении всего пути можно ночевать просто в гумне или странноприимном доме. Монашеские ордена содержат их целую кучу — особенно вдоль маршрутов паломников. Столоваться можно в многочисленных монастырях — разносолов там не предложат, но миску супа и краюху хлеба дадут всегда.

В крайнем случае можно просить подаяние. Нищенство тут не считается постыдным — даже благородный рыцарь не погнушается протянуть руку, если в

кармане гуляет ветер. А вот я, наверное, все-таки не смогу — смирение смирением, но внутри все протестует при одной мысли. Другой менталитет.

Впрочем, Торквемаде столь унижительные методы не требуются. Он и его команда — люди непритязательные. Спят на голой земле, питаются подножным кормом, из имущества у каждого только четки да Библия. А если уж совсем жрать нечего, Торквемада подходит к первому встречному толстосуму и просит оказать услугу простому великому инквизитору.

Пока что никто не отказывал. Добрый здесь народ живет.

Кстати насчет жрать нечего. Есть уже хочется довольно сильно. Я, в отличие от братьев-монахов, питаюсь не только медом и акридами — меня такая диета живо в могилу сведет. На каждой остановке шарюсь вокруг, охочусь на всякую бегающую и летающую живность, рыбку ловлю. Доминиканцам тоже каждый раз предлагаю, но они обычно отказываются, блудут... чего-то там.

В деревнях, конечно, дичи небогато — разве что ворону какую изловишь или крысу. Зато домашний скот — ну буквально на каждом шагу. Я быстренько облюбывал симпатичного жирного поросенка, подозвал настороженно глядящего на меня мужичка, сунул ему пару серебряных талеров и попросил:

— Зажарь мне этого поросеночка, добрый человек. Очень уж он мне приглянулся.

— Но как же, святой отец, сегодня же постный день... — растерялся добрый человек.

Я позыркал вокруг, проверяя, нет ли поблизости Торквемады, потом размашисто перекрестил свинку и возвестил:

— Именем Божиим, сие порося да обратится в карася. Зажарь мне эту рыбку, добрый человек.

Мужичок понимающе кивнул, покрепче сжал серебряки и поволок поросенка на задний двор. Я почувствовал, как во рту начинает скапливаться слюна.

— Перекусим, а, Рабан? — жизнерадостно прохрипел я.

— Твой уровень голода пока что приемлем, патрон, — заметил мой мозговой паразит. — Ты еще часа три можешь ничего не есть, не испытывая неприятных ощущений.

— А твой уровень занудства, как всегда, под потолком.

Да, разумеется, Рабан по-прежнему со мной. Куда ж он денется? По-прежнему дает мне дурацкие советы, рассказывает всякую нудятину, комментирует погоду и перебрасывает меня между мирами... хотя этого он не делал уже почти полгода. После побега из Лэнга и ухода с Девяти Небес я ни разу не покидал Землю-1691. Подумываю о том, чтобы остаться здесь навсегда. А что? Свежий воздух, много хороших знакомых, связи в верхах, интересная работа — что еще нужно для жизни? Девушку бы неплохо, конечно, но я реалист, я понимаю, что таких извращенков на свете не водится.

А если вдруг и сыщется — нафиг она мне нужна, дура ненормальная? Еще ножиком пырнет.

Хотя ножиком меня многие пыряют.

В ожидании жареной сви... рыбы я устроился на небольшом пригорке за деревней. Сейчас бы пивка еще. К рыбе — самое оно.

За неимением пива я принялся повторять урок. Торквемада заставляет меня каждый день заучивать новую молитву и прочитывать ее вслух ни много ни мало — пятьдесят раз. Просто потому, что я демон. Вначале я протестовал и отлынивал, потом понемногу привык. Все равно заняться больше особо нечем.

— Господь, пастырь мой... — забормотал я. — Господь, пастырь... блин, забыл, как там дальше.

Открыв молитвенник на заложенной закладкой странице, я еще два раза прочитал сегодняшний урок и собирался начать в третий, когда во внутреннем кармане что-то заскреблось. Я достал порядком задолбавший меня за эти месяцы ковчежец и устало спросил:

— Чего тебе, жертва аборта?

— Эй, шестирукий, ты там? — послышался приглушенный голос Пазузу.

— Я-то там. А ты здесь. Фигли ты меня опять перебиваешь, а? Что за манеру взял постоянно лезть под руку? Не отвлекай от душеспасительной молитвы, демон.

— Ты тоже демон.

— Вот я сейчас и пытаюсь что-то с этим сделать. А ты меня отвлекаешь по пустякам.

— Выпусти, а? — заладил старую песню Пазузу. — Договоримся по-хорошему...

— По-хорошему у нас с тобой не выйдет. Ты это только сейчас смирный, пока в камере. А на воле опять беспредельщиком станешь.

— Я клятву дам.

— Ну тебя нафиг, — отказался я. — Не хочу я с этим связываться. Знаю я вашего брата — обязательно где-нибудь подлянку приготовишь.

Пазузу недовольно заворчал. Я взвесил на правой средней руке ковчежец и сказал:

— Кстати, все забываю спросить. За каким хреном у тебя на компьютере та игра была? «Диябла», что ли?..

— Забавно было поиграть время от времени, — приглушенно усмехнулся Пазузу. — Попробовать себя в роли истребителя демонов. Так смешно было.

— Дураку все смешно...

Я подбросил ковчежец в воздух и задумался. Битых четыре месяца таскаю Пазузу в кармане и до сих пор не решил, что с ним делать. Закопать? Выкинуть в океан? Нет, знаю я этих архидемонов. Сам он, конечно, не выберется, зато непременно рано или поздно кого-нибудь к себе подманит. Рыбу какую-нибудь, крота или вообще человека. И освободится. Не скоро — может, через несколько веков или даже тысячелетий, но освободится.

К ковчезцу теперь крепко пришпилен маленький пузырек с алой жидкостью. Это кровь Пазузу — я собрал немножко на том месте, где мы дрались. Именно на тот случай, если он вдруг нечаянно освободится. Правда, леди Инанна сказала, что кровь должна быть свежепролитой — но у Пазузу она, как выяснилось, не свертывается, так что может сработать.

А если не сработает... значит, не сработает.

Так я просидел в размышлениях минут десять. А потом раздался легкий хлопок и прямо из воздуха появился светловолосый широкоплечий детина с остроконечными ушами и таким лицом, словно его сейчас стошнит. Он бросил на меня недовольный взгляд и сухо спросил:

— Так ты и есть тот, кто использует Слово Волдреса?

ГЛАВА 2

Вот так в мою жизнь и вошел Джемудан Роя Атаби айки Кйодолья. Но тогда я еще не знал, как его зовут. Я видел перед собой просто крупного хлыща с эльфийскими ушами и лицом голливудской кинозвезды. Платинового оттенка волосы, длинные, смазанные лаком, брови закручены в спирали, по вискам спускаются завитые пряди — что-то среднее между пейсами

и бакенбардами. Одет он был в темно-коричневый фрак с высоким бархатным воротником и темный шелковый жилет. На ногах шерстяные панталоны и зеркального блеска сапоги, на руках желтые лайковые перчатки, на шее длинный черный шарф с пестрыми узорами, а на голове высокая шляпа-колпак. В довершение всего гранатовые пуговицы, бриллиантовые застежки, на плечах что-то вроде эполет из перьев, на лбу нарисован узор в виде двойной S — нормальной и зеркально отображенной... франт, да и только.

Мне почему-то сразу захотелось разбить ему морду.

— Ты что, эльф? — спросил я, таращась на остроко-
нечные уши.

— Я сид, полудурок, — процедил этот холеный кра-
савчик.

— А это что за зверь?

— Высший эльф.

— А чем высшие эльфы отличаются от обычных?

— Телесной организацией.

— В смысле?

— На руку мою посмотри, полудурок. Видел ког-
да-нибудь такие руки у эльфов?

Да, действительно. У эльфов ручки всегда тоню-
сенькие, мускулатуру и под микроскопом не разгля-
дишь. А у этого бицепсы, как у культуриста. И рост под
два метра.

— Мы, сиды, объединяем в себе все лучшие черты
эльфа и человека, — наставительно сообщил Джему-
лан. — Мы почти бессмертны, сильны, выносливы,
обладаем высокими магическими способностями.
Мы — высшая раса!

— Высшей расой себя называют только моральные
уроды с манией величия, — пробурчал я.

— Да, мы именно такие, — гордо кивнул Джему-
лан. — А тебе завидно?

— Нет.

— Зря. Я бы на твоём месте завидовал.

— А я вот не завидую. Чего тебе нужно-то? Ты энгах, я так понимаю?

— Не просто энгах. Я из ОВР. Гильдия Эсумон.

— Ой, патрон, а вот это очень плохо... — простонал Рабан. — Помнишь, я тебе рассказывал про ОВР? Они занимаются тем, что отлавливают энгахов-ренегатов, нарушающих правила. Похоже, гильдия нами недовольна...

— Где твой контракт энгаха? — перешел с места в карьер Джемулан.

— Тут где-то был... — похлопал себя по карманам я. — Хотя чего это я? Он же в Лэнге остался.

— Работу ты мне не облегчаешь, да? — вздохнул Джемулан.

— Какую ещё работу? Ты скажешь наконец, чего приперся? — скрестил на груди все шесть рук я.

— Видишь ли, какое тут дело, странный уродец... — задумчиво поморщился Джемулан. — Я полевой агент — разыскиваю и устраняю нарушения. Вот и тебя разыскал.

— Зачем это?

— Не имею ни малейшего понятия. Мне просто приказали разыскать тебя и доставить в штаб-квартиру. Пошли.

— Как же вы меня задолбали, эльфы хреновы... — вздохнул я.

— Я сид.

— Один хрен.

— Один. Но у сидов он гораздо больше. И не завидуй.

— Да не завидую я, сказал же! — скрипнул зубами я.

— Зря. Я бы на твоём месте завидовал. Пошли.

— А если не пойду? — недобро оскалился я.

— Пойдешь.

Сказав это, проклятый сид как-то странно дернул пальцами... и меня скрючило. Все тело словно защемило огромной пружиной... которая еще и начала сжиматься. Боли пока что не было, только сильное неудобство — но что-то мне подсказывало, что за этим тоже не заржавеет.

— Видишь ли, странный уродец, у каждой гильдии энгахов есть такая вещь, как паралич Слова, — встал надо мной Джемунан. — Ты используешь наше Слово — а значит, ты наш с потрохами. Я могу заставить тебя ползать на брюхе, могу изуродовать до полной неузнаваемости... а могу убить. Поэтому ты сейчас поднимешься и пойдешь со мной. Или будет еще больнее.

Я почувствовал злобу. Какого черта этот напыщенный урод является сюда и ведет себя так, словно я ему по жизни задолжал? Какого черта он сплющивает меня своим колдунством, хотя я ему ничего плохого не сделал? Мне все сильнее хотелось вцепиться ему в горло.

И вот тогда во мне начала подниматься волна бешенства. Дикой, неконтролируемой ярости — той самой, что вырывалась из меня всеразрушающей силой во время битв с Пазузу и эль Кориано. Я тогда испытал страшный, непередаваемый приступ ненависти... и во мне что-то пробудилось. Понятия не имею, что это такое, но мне оно совсем не нравится.

— Патрон, прекрати... — жалобно бормотал Рабан. — Патрон, прекрати... Патрон, пожалуйста...

За минувшие четыре месяца эти приступы давали о себе знать несколько раз — всегда, когда я встречался с кем-то, вызывавшим особо сильную неприязнь. Например, с тем огром, которого я застал за обгладыва-

нием детских косточек... или вампиршей, которую я застукал в бассейне, наполненном кровью... Торквемада в этих случаях даже не успевал приступить к работе — я в считанные секунды размазывал наших «клиентов» до состояния жидкости. Вот князь Круду не вызвал у меня особой антипатии — вполне приличный мужик для кровососа, — поэтому внутри меня ничего не пробудилось.

Зато теперь...

— Беги, идиот... — прохрипел я, с трудом пытаюсь сдержаться. Еще немного, и меня прорвет. Из меня выплеснется... не знаю, что именно, но точно ничего хорошего.

Конечно, Джемудан не понял, что я имею в виду. Его холеная рожа только перекосилась в гримасе недовольства, и он резко повернул пальцы, усиливая нажим. Теперь меня колотило с двух сторон: снаружи — чертов энгахский парализатор, изнутри — пытающееся вырваться бешенство.

И тут мне на голову легла сухая морщинистая ладонь.

— Молись, тварь, — холодно приказал великий инквизитор. — Читай «Отче наш», пока не велю перестать.

Я принялся повторять зазубренные слова, чувствуя, как понемногу напряжение отступает. Торквемада уже был свидетелем этих моих приступов и без колебаний заявил, что это ищет выхода моя демоническая натура — ей-де не нравится, что я обратился к Богу.

Не уверен, что он прав, но монотонный речитатив меня действительно успокаивает. Уж не знаю, в самой ли молитве дело или просто действует эффект «расслабляющей музыки».

Торквемаде я об этих своих мыслях, понятное дело, не говорю.

Уже через несколько секунд я почувствовал, что снова могу себя контролировать. Разум стал спокойным и холодным, бешеная ярость схлынула.

— А теперь разберемся с тобой, тварь, — перевел взгляд на Джемулана Торквемада. — Кто ты есть и что тебе нужно от моего послушника? Я не вижу на тебе креста.

Джемулан так посмотрел на Торквемаду, словно искренне удивлялся — что это такое сюда приползло и каким образом оно научилось говорить. Лицо сида сморщилось, как будто он сожрал целиком здоровенный лимон.

— Какого еще креста? — наконец процедил он.

— Хороший будет костер, — удовлетворенно кивнул Торквемада. — Принесите дров!

Крестьяне моментально забегали как муравьи. Дрова великому инквизитору принесли поразительно быстро — с готовностью и даже с предвкушением. Что поделаешь — телевизоров в здешних краях еще не придумали, да и футбол пока толком не прижился. Развлечений мало. И если уж Томмазо Торквемада устраивает бесплатное шоу с огненными спецэффектами... чего б не поглазеть?

Тем более что сжигают какого-то чужака, на которого всем плевать.

Джемулан взирал на эти приготовления с невыразимым презрением. Он ничуть не обеспокоился, только оттопырил нижнюю губу и скрестил руки на груди. Поскольку этот тип — агент-оперативник, он наверняка может постоять за себя. Уж не знаю, магией или каким-нибудь оружием... да и неважно. У святых отцов-инквизиторов оружия нет — только Божье слово и всеобъемлющая доброта.

В любом случае конфликт мне тут нафиг не нужен.

— Фра Томмазо, можно вас на минуточку? — вежливо попросил я.

Я отвел Торквемаду в сторонку и как сумел объяснил, что это меня настигла прежняя работа... одна из моих прежних работ. А поскольку энгахские гильдии — это не Йог-Сотхотх, всем будет лучше, если я просто пойду и договорюсь по-хорошему.

Не знаю, сколько Торквемада понял из моих объяснений. Они были довольно сбивчивыми и бессвязными. Однако немного подумав, великий инквизитор сурово кивнул:

— Хорошо, тварь, отпускаю тебя. Ступай и искупи свои прегрешения перед этими людьми.

Похоже, Торквемада все понял наыворот. Но тем лучше.

— А я отправлюсь с тобой и прослежу, чтобы ты сделал все как подобает, — неожиданно закончил Торквемада.

Вот эти его слова привели меня в ужас. Я представил великого инквизитора в каком-нибудь мире, населенном кем-либо, кроме католиков — да хотя бы на нашей Земле, — и буквально почувал запах горелого мяса. Торквемада не тот человек, что способен проявлять терпимость. Если ты стоишь перед ним, то должен быть либо крещен, либо сожжен — третьего не дано.

Мне стоило немалых трудов уговорить Торквемаду отказаться от этих планов. Поначалу он уперся как баран, не желая ничего слушать. Но понемногу до старика дошло, что в этом вояже он и в самом деле будет пятым колесом.

— Ступай же тогда с богом, тварь, — проворчал

он. — Орден святого Доминика будет ждать твоего возвращения. Благословляю тебя именем Христовым.

— Это мне пригодится, — согласился я. — До свидания, Феликс Эдмундович. Даст бог, еще свидимся.

— Пошли, полудурок, — брезгливо взял меня за руку Джемулан. — До Эйкра два прыжка.

Я приготовился услышать знакомые ллиассы и алаассы, но Джемулан лишь напрягся и что-то неразборчиво замычал. Рабан с легкой завистью сообщил, что самые опытные и талантливые энгахи умеют проговаривать Слово про себя, не открывая рта. Покойному Волдресу подобное и не снилось — это у них считается высшим пилотажем.

Закончил Джемулан тоже быстрее, чем обычно Рабан. Я не успел даже махнуть рукой дедушке Торквемате, а изображение вокруг уже раздвоилось, пространства наложились друг на друга... и мы перенеслись в другой мир.

Блин, а поросенка-то я так и не скушал. Обидно.

То есть это карась был. Карась.

ГЛАВА 3

Промежуточный мир между Землей-1691 и Эйкром я видел лишь мельком. Ничего интересного — угрюмый осенний пейзаж, опушка леса, на горизонте виднеется неподвижная громада, похожая на полуразрушенного робота-трансформера. В небе два солнца, оранжевые облака, да летают какие-то твари, смахивающие на крылатых утку. Больше я ничего не рассматривал — Джемулан уже перевел дыхание и с удивительной скоростью промычал Слово заново.

Теперь мы оказались на Эйкре. Я уже бывал в этом мире, когда добывал вавилонских рыбок для мистера

Креола, но в тот раз я посещал лишь архипелаг Кромаку... а это явно не он. Там я нигде не видел высотных зданий, похожих на ярко-синие обелиски. А здесь они вздымаются повсюду — уходят в небеса на сотни метров, если не на целые километры. Кажется, город не-маленький.

Мы оказались на многолюдной платформе, напоминающей железнодорожный перрон. Вместо рельсов — длиннющие ряды совершенно одинаковых круглых возвышений, огражденных перилами и осветительными фонарями. На одном из таких мы и очутились... не на фонаре, конечно, а на возвышении.

Рабан, который уже бывал здесь вместе с Волдресом, объяснил, что это главный в городе прыжковый вокзал. Именно здесь всегда приземляются энгахи и межмировой транспорт.

— А что, в другое место приземлиться нельзя? — спросил я.

— Можно, но за это штрафуют, — сказал Джемулан, решивший, что я говорю с ним.

— Почему?

— Потому что запрещено. Пошли.

Мы спустились на платформу, и нас мгновенно затянуло людским потоком. Впрочем, людей здесь было в лучшем случае четверть — вокруг кишели сотни самых разных созданий. На меня в кои-то веки никто не обращал внимания, так что я спокойно откинул капюшон рясы.

Похоже, большую часть толпы составляли «перемещенцы». То и дело на том или другом возвышении объявлялся энгах или кто-нибудь наподобие. Многих встречали — уж не знаю, как тут узнают, что любимый брат или дедушка приземлится именно на этом возвышении, а не на другом, но ко многим пришельцам тут же устремлялись приветственно машущие люди... эль-

фы... черти... девятиногие бегемоты... в глазах уже рябит от такого многообразия.

Был здесь и обслуживающий персонал — одни убрали мусор, другие что-то ремонтировали, третьи ковырялись в фонарях. На Эйкре нет солнца, воздух здесь светится сам благодаря уникальным свойствам тепория, но только половину суток — а вторую половину царит кромешная тьма. Без искусственного освещения никак.

Джемулан уверенно провел меня к одной из дверей в длинной синей стене, ограждающей платформу. За ней оказалось что-то вроде зала ожидания — киоски, закусочные и огромное количество деревянных лавок с высокими спинками. На всех до единой была выгравирована одна и та же надпись — «Г. П. С.».

— Что это значит? — спросил я.

— Горнойские Пассажи́рские Службы, — коротко ответил Джемулан.

— Горнойские?..

— Этот город называется Горноем. Один из крупнейших межмировых центров.

— Угу. И народу тут до хренищи...

— Полтора миллиарда. Пошли.

— Да ты достал уже меня дергать...

В штаб-квартиру Эсумона мы ехали... точнее, летели на местном варианте маршрутного такси. Ярко-красная хреновина каплевидной формы неслась со скоростью пули, лишь каким-то чудом успевая вписываться в повороты. В пассажирском салоне царило адское столпотворение. Джемулана почему-то никто не трогал, а вот меня то и дело тыкали тростью или зонтом, требуя передать за проезд или сказать водиле, чтобы остановил свою колымагу. Входя или выходя, пассажиры преспокойно наступали мне и друг другу на ноги. Все кругом кашляли, сморкались, чихали,

пердели, а в щупальцах у кальмароподобной тетки завывали сиреной два извивающихся младенца. К тому же в салоне, видимо, ужасно воняло — Джемудан брезгливо морщился и закрывал нос платочком. Вот когда я порадовался, что у меня отсутствует обоняние.

Дилижанс то и дело останавливался, чтобы подобрать попутчиков. Я не замечал, чтобы кто-то поднимал руку или голосовал другим способом, но водила каким-то образом всегда определял — этому господину, даме или бесформенному чудищу нужно сесть именно к нему. Ни разу не ошибся. А поскольку подбирал он всех и каждого, летели мы резкими рывками — фьюииииить!.. стоп! фьюииииить!.. стоп! фьюииииить!.. стоп! Тормозил и разгонялся этот драндулет мгновенно, что только добавляло кавардака в салоне.

— Твою мать, урод, не дрова же везешь!.. — прохрипел я, в очередной раз подлетев к потолку.

— Ты там что-то вякнул про дрова, моська трехглазая?.. — недобро прищурился пассажир напротив, похожий на гигантского Буратино. Вместо ушей из его головы росли веточки.

Должен сказать, у меня создалось впечатление, что город Горной населен исключительно хамами. Здесь все друг друга толкали, пихали и оскорбляли, а вежливых слов я не слышал в принципе. На улицах стоял гвалт, шум, никто не шел спокойно, каждый прохожий несся так, словно куда-то опаздывал.

А уж транспорт! Я поначалу полагал нашего шофера лихачом, однако ж нет, здесь все мчались сломя голову, не обращая внимания на правила. Да и есть ли вообще в Горное такая штука, как правила дорожного движения? Во всяком случае, ни светофоров, ни регулировщиков, ни дорожных знаков я ни разу не заме-

тил. Странно даже, что и аварий я тоже ни разу не заметил.

Кстати, транспорт здесь удивительно разнообразен. Машины всех возможных форм и расцветок едут по земле, парят над землей, летят по небу, совершают дикие прыжки, исчезают в никуда и появляются из ниоткуда — телепортация, видимо. Вторично выражаю удивление тому, что никто ни с кем не сталкивается, никто не попадает под колеса. Может быть, я просто попал в удачный час — ну как Магеллан, с легкой руки которого Тихий океан незаслуженно стал Тихим.

Зато сам город удивительно красив. Небоскребы-обелиски словно выточены из гигантских сапфиров и увиты живыми лозами с огромными цветами. Вдоль аллей высятся диковинные штуковины, похожие на помесь скал и деревьев. Этакие коралловые рифы, только сухопутные. Вместо рыбок вокруг снуют крохотные яркие птички и бабочки с размахом крыльев на полметра. Лепота.

Я бы еще полюбовался пейзажами, но тут наш шатомобиль в очередной раз стопорнул и Джемунан выволок меня наружу. Так я впервые увидел штаб-квартиру гильдии Эсумон.

Ну что сказать? Здание как здание. Похоже на дореволюционную барскую усадьбу. Размеры довольно скромные — всего два этажа. Окружено стеной из белого мрамора, ворота витые, из чистого золота. Или просто позолоченные, не знаю.

— Из золота, патрон, из золота, — подтвердил Рабан.

— Богато живут... — присвистнул я.

— Существуют миры, в которых золото стоит дешевле грязи, — заметил Рабан. — И не только золото. Помню, однажды мы с Волдресом были на плане-

те-алмазе... представляешь, патрон, целая планета — сплошной алмаз!

— Угу. Круто.

Про себя я подумал, что жить на такой планете должно быть ужасно неудобно. Алмазы — они в умеренных дозах хороши. А если, кроме них, ничего нету... не, оставьте себе такую радость.

Ворота гильдии меня весьма впечатлили. Но гораздо больше я прифигел, войдя в холл. Такое маленькое снаружи, внутри здание оказалось просто громадным. Потолок теряется где-то в поднебесье, стены тоже исчезают в необозримой дали. Не холл — аэродром.

Толкотня и здесь царит невообразимая. Джемулан сказал, что появляться положено только на прыжковом вокзале, однако многие энгахи явно не утруждают себя этим правилом. Шагать приходится осмотрительно — дважды я чуть не врезался в типов, возникших прямо перед моим носом. Одни просто появляются из ниоткуда, другие словно выходят из невидимых дверей, третьи буквально сваливаются с небольшой высоты. Рабан объяснил, что неопытные энгахи часто боятся напортачить с координатами и оказаться внутри материального объекта, поэтому берут на метр-полтора выше. Ну вот и плюхаются, как идиоты.

Надо сказать, я раньше и не думал, что энгахов настолько много. Прямо сейчас перед моими глазами их не меньше тысячи. А ведь это только небольшая часть гильдии Эсумон. Да и сам Эсумон — всего лишь одна из множества энгахских гильдий.

Джемулан двигался в этой кутерьме уверенно, кивая одним энгахам и равнодушно глядя на других. Перед ним все расступались, как трава перед носорогом. Чувствовалось, что этого сида тут знает каждый и авторитет он имеет немаленький. Местный особист, фигли.

Мы поднялись на второй этаж по огромной лестнице, усталанной мягким красным ковром. Наверху оказалось гораздо тише — энгахи из ниоткуда не появлялись, без дела никто не болтался. В холле, такое впечатление, они просто тусуются между заданиями — треплются друг с другом, пиво пьют. А здесь деловая обстановка, вид у всех сосредоточенный.

— Это канцелярия, — на ходу пояснял Рабан. — Это бухгалтерия. Это зал наблюдения. Это доски объявлений.

Доски объявлений я уже замечал. В холле их была целая куча, и даже снаружи здания висела одна. Сделаны из стекловидного материала, сплошь усеяны надписями — то и дело новые появляются, а старые исчезают. Глаз на ходу выхватывал слова «разыскать», «доставить», «спасти», «перевезти». И суммы наград, обозначенные непонятным символом, похожим на знак процента.

Мне стало любопытно, чем здесь расплачиваются — золото с алмазами явно не в цене, за доллары тоже вряд ли что-то купишь... что же это за универсальное сокровище, которое ценится во всех мирах? Навскидку в голову приходят разве что души — но это же энгахи, а не демоны.

— Бартер, — охотно сообщил Рабан. — Все заказы поступают в гильдию, здешние специалисты оценивают сложность задания и устанавливают ему стоимость в условных единицах. А дальше уже заказчик расплачивается в соответствии со своими возможностями — кто валютой высокоразвитых миров, кто редкими веществами, кто техникой или артефактами, кто произведениями искусства, кто ответными услугами... Договариваются, в общем. Заказчик платит гильдии, а та уже рассчитывается с агентом-исполнителем.

— А без посредничества никак?

— Можно и самому, конечно. Волдрес, например, был вольным энгахом — сам искал заказы и сам обо всем договаривался. Хотя посредничеством мы тоже часто пользовались — так надежнее. Меньше вероятность, что тебя кинут или подставят. Услугами энгахов пользуются многие, и далеко не все клиенты заслуживают доверия. Нас вот с Волдресом пару раз пытались использовать втемную...

— И как, удачно?

— Давняя история, патрон, чего ее зря ворошить... — уклончиво ответил Рабан.

Джемулан довел меня до конца коридора и... исчез. Я недоуменно уставился в пустоту, но Рабан тут же шикнул, чтобы я шагал следом. Последовав его совету, я очутился в совсем другом месте — обширном полукруглом зале, похожем на лекционную. Вверх ступенями уходили скамейки, на которых сидели десятки разномастных энгахов.

А на месте лектора скрючился... Рабан сказал, что это сам глава гильдии, достопочтенный Музкельмун арб Граши. Крохотного роста, седой, мохнатый, коренастый, похожий на замшелый пенек. Вроде бы не человек. Или человек, но на редкость уродливый.

Мы с Джемуланом пристроились на самом верху. На нас никто не обратил внимания — шеф Эсумона был полностью поглощен распеканием подопечных. Кажется, его что-то не на шутку разгневало — он подпрыгивал, топотал ножонками, брызгал слюной и не переставал вопить.

— Нервный дяденька, — негромко хмыкнул я.

— Молчи, полудурок, — облил меня презрением Джемулан. — Граши-хама — величайший из наших старшин. Именно благодаря ему Эсумон стал первой гильдией в таблице.

— Первой?.. — удивился я. — Вы такие крутые?

— Мы самые лучшие, — горделиво кивнул Джемулан. — Эсумон уже давно славится тем, что выполняет самые сложные задачи. Те, которые не по силам другим гильдиям.

— А вы, значит, можете что угодно? — скептически уточнил я.

— Можем мы все. Но не все делаем.

— Почему?

— У нас есть свои законы чести. Эсумон не берется за похищения людей, наемные убийства, объявленные кражи...

— Объявленные? Это как?

— Если в заказе прямо и четко говорится — украсть то-то. Вот если сказано добыть или разыскать... ну, тут открыта дорога для вариантов. Возможно, придется и красть — хотя это не одобряется. В общем-то мы все-таки не жрецы Карнуи... но и не треллахейды. С грязной работой обычно обращаются в другие гильдии, менее разборчивые.

Я не понял, кто такие жрецы Карнуи и треллахейды, но спрашивать не стал. Главное, что общий смысл понятен — пачкать руки мои коллеги не боятся, но предпочитают все же этого избегать.

А великий и мудрый старшина гильдии продолжал отчитывать подчиненных. На лекционной доске за его спиной сами собой вспыхивали и гасли какие-то символы, появлялись изображения, видеозаписи... ну, что-то, выглядящее как видеозаписи. Наверное, это все-таки магия.

— Увалень! — в очередной раз рявкнул Музкельмун арб Граши. — Ты что опять натворил, идиот?!

— А что не так? — поднялся с места хлипкого телосложения энгах. — Я же выполнил задание, нет?

— Задание-то ты выполнил, да... только зачем ты разломал заказчику дом?!